

ОЛИВИЯ ГЕЙТС

Когда страсть разгорается вновь

HARLEQUIN®

kiss

Оливия Гейтс
Когда страсть
разгорается вновь
Серия «Миллиардеры
из Блейккасла», книга 4
Серия «Поцелуй –
Harlequin», книга 125

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22072187

Когда страсть разгорается вновь: ЗАО Издательство Центрполиграф;

Москва; 2016

ISBN 978-5-227-07053-1

Аннотация

За маской успешного и влиятельного бизнесмена Ричард Грейвс скрывает темное прошлое и боль сокрушительных потерь. Лишь Изабелле почти удалось растопить его ледяное сердце, но взаимное недоверие стало причиной того, что они расстались. Прошло восемь лет, они случайно встретились, и страсть охватила их с новой силой. Страдая от обиды и сгорая от любви, они наконец решают объясниться и узнают, что напрасно провели столько горьких лет друг без друга...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	41
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Оливия Гейтс

Когда страсть разгорается вновь

* * *

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Claming His Secret Son Copyright

© 2015 by Olivia Gates

«Когда страсть разгорается вновь»

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Всему сообществу любовных романов – редакторам, авторам, критикам и читателям – всем, кто помог мне осознать две главных цели в жизни. Это – для вас. Люблю всех вас.

Глава 1

Ричард Грейвс устроился в мягком кресле-реклайнере, сделал внушительный глоток неразбавленного бурбона и нажал на паузу.

Подрагивавшее изображение замерло на огромном телеэкране. Мердок, правая рука Ричарда, сделал эту запись, следуя за объектом наблюдения пешком. Качество, как и следовало ожидать, было не самым лучшим, но застывший на паузе кадр оказался достаточно четким, чтобы Ричард расплылся в улыбке.

Обычно он улыбался или испытывал хоть какие-то эмоции лишь в одном случае – когда смотрел на нее. На ее изящную фигуру и энергичную походку, оживленное лицо и волосы цвета воронова крыла.

Ричард мог лишь предполагать, что ощущал именно эмоции. За последнюю четверть века он подзабыл, что это такое, а чувства, которые помнил по юности, казались такими иллюзорными, словно их испытывал кто-то другой. Собственно, так и было. До того, как примкнуть к Организации – преступному картелю, который похищал и насильно удерживал у себя детей, превращая их в наемных убийц, – он был совсем другим. Тогда он слыл «крепким орешком», но все же ничем не походил на неуязвимого ублюдка, которым все – и не без оснований – его считали.

Ричард помнил, что глубже всего ощущал преданность, стремление защищать и ответственность. По отношению к лучшему другу Нумару, ставшему заклятым врагом, к ученику Рафаэлю, превратившемуся в помощника. А еще к «корешам» из корпорации «Черный замок» – своим партнерам по охватывающей весь мир деловой империи – и их собственным компаниям. Но благородные чувства он проявлял лишь в этом случае. Естественным же для него было нечто порочное, резкое, злобное. Жажда власти, месть, беспощадность.

Поэтому-то он так изумлялся всякий раз, когда она пробуждала в нем то, на что он считал себя неспособным. То, что можно было назвать... нежностью. Он чувствовал это с тех самых пор, как усовершенствовал ежедневный ритуал чтения отчетов о слежке за ней и стал просматривать съемки того, как протекали ее дни.

Многие годы он наблюдал за ней будто под микроскопом. И, вмешиваясь в ее жизнь всякий раз, когда считал нужным, незаметно менял мир, в котором она обитала. В своей затянувшейся миссии ее демона-хранителя он изо дня в день преступал множество законов, от нарушения неприкосновенности до физического принуждения и... чего-то намного худшего. Не то чтобы это хоть сколько-нибудь его беспокоило...

Но его по-настоящему волновало, что однажды она обнаружит слежку или заподозрит чье-то вмешательство. Хотя

она ни за что бы не догадалась, что за этим стоит он.

В конце концов, она даже не знала, что он жив.

Она считала, что он погиб, когда ей было шесть. Она вряд ли вообще его помнила. Но даже если помнила, уж лучше бы по-прежнему считала умершим.

Поэтому он мог лишь оберегать ее. Как делал это с момента ее рождения. По крайней мере, пытался делать. Долгие годы он был бессилён защитить ее. Но в тот момент, когда у него появилась такая возможность, он дал ей второй шанс на безопасную, хорошую жизнь.

Поставив на паузу другой кадр, он вздохнул. Он отчетливо помнил тот день, когда родители принесли ее домой. Такое крошечное, беспомощное создание. Именно он дал ей имя. Его маленькой Роуз.

Теперь она стала хирургом, женой и матерью. И все достижения были исключительно ее заслугами. Ему оставалось лишь убеждаться, что она получила то, ради чего так упорно работала и что по праву заслужила.

У нее были успешная карьера, профессия, обожающий ее муж, которого Ричард досконально проверил, и двое детей. Ее семья была идеальной, как с картинки, и не только внешне.

Сняв видео с паузы, он фыркнул и залпом опрокинул в себя оставшийся бурбон. Если бы только парни из «Черного замка» знали, что он, также известный как Кобра, самый кровожадный из Организации, отвечающий сейчас за

их коллективную безопасность, проводит вечера, наблюдая за сестрой и ее совершенно нормальной жизнью...

Он вдруг нахмурился, поймав себя на странной мысли.

Никакого смысла в этой видеозаписи не было. Роуз с мужем открыли частную медицинскую клинику на Нижнем Манхэттене. А Мердок всегда представлял отчеты лишь о чрезвычайных ситуациях и других из ряда вон выходящих событиях.

Так вышло, что наблюдение за Роуз стало для Ричарда единственным источником радости. Но когда он приказал Мердоку снимать и обычную жизнь Роуз, тот лишь безучастно посмотрел на него – и продолжил освещать события, которые считал достойными внимания. Неужели теперь Мердок решил учесть его желание?

Он хмыкнул. Мердок слепо повиновался ему, но никогда не делал ничего, что не считал логичным или уместным. Значит, речь шла не просто о том, как Роуз осваивается на новой работе, а о чем-то большем.

Что же он упустил?

И тут сердце замерло у него в груди.

В кадре появился человек, к которому повернулась Роуз, что-то в восторге говоря... Изображение маячило позади, лишь намекая на профиль, и все же Ричард узнал бы эту фигуру, это... создание... и в миллионной толпе.

Ее.

Усевшись прямо, он потянулся к приставному столику,

смутно замечая, как задрезжал поставленный им стакан. Дрожала не рука – его сердце. То самое, которое никогда, даже в чрезвычайных ситуациях, не колотилось чаще шестидесяти ударов в минуту. Теперь же оно буквально взорвалось от потрясения.

Когда-то золотистые, длиной до талии волосы теперь спадали темной волной до плеч. Тело, прежде изобилующее взрывоопасными формами, было подтянутым и спортивным в чопорном костюме с юбкой. Но это, несомненно, была она. Изабелла.

Женщина, которую он когда-то желал с такой силой, что едва не пустил под откос исполнение навязчивой идеи всей своей жизни.

Он долго воплощал эту идею, следуя тщательному плану. И только пункт, который касался ее, никак не решался. Она была его единственной слабостью. Единственной, кто заставлял его отклоняться от выбранного курса, а порой и вовсе забывать о своих планах. Единственной женщиной, которую он не мог – не желал – использовать. Зато позволил ей использовать его. После пылкого короткого романа, делая выбор, она призналась, что никогда не рассматривала его всерьез.

Она, жена человека, виновного в том, что его семья погибла, а Роуз осталась сиротой.

Почти девять лет назад он добивался Изабеллы – только потому, что она была ахиллесовой пятой ее мужа. Но все

пошло не по плану.

Она потрясла его до глубины души. И это не имело никакого отношения к ее редкой красоте. Он никогда не терял голову от красоты. Страсть была его оружием и никогда – слабостью. Именно его Организация отправляла на дело всякий раз, когда речь шла о женщинах, чтобы соблазнить, использовать, а потом бросать их.

Но Изабелла была загадкой. Она умудрялась упиваться статусом жены грубого животного на сорок лет ее старше, который пылинки с нее сдувал и купал в роскоши, и одновременно учиться на врача, участвовать во множестве гуманитарных миссий.

В самом начале он считал, что эта благожелательная маска призвана обелить имидж мужа, в чем Изабелла весьма преуспела. Но, окончательно потеряв голову от этой двадцати-четырёхлетней женщины, казавшейся намного старше своих лет, он уже не был в этом так уверен. Да и соблазнить ее оказалось гораздо труднее, чем он ожидал.

Изабелла явно отвечала взаимностью на его неудержимое желание, но не подпускала к себе. Ричард посчитал, что она нарочно разжигает его интерес, и стал добиваться ее с удвоенной силой. Но лишь после того, как он отправился за ней в составе бригады спасателей в Колумбию, спасая ее и ее товарищей во время партизанского наступления, сопротивление Изабеллы наконец-то пало. Следующие четыре месяца были

окрашены самыми безумными переживаниями в его жизни.

Чтобы продолжать свою миссию, Ричарду приходилось постоянно напоминать себе, кто она такая. Но, сжимая ее в объятиях, он забывал обо всем на свете.

И вот он наконец-то выпытал у ничего не подозревавшей Изабеллы все тайны, то, что только она одна знала о своем муже. Настала пора сделать решающий ход. Как же тяжело это было...

Претворение в жизнь его плана означало конец задания. Их конец. А Ричард не мог найти в себе силы уйти от нее.

Поэтому-то он и сделал то, чего никак от себя не ожидал. Попросил, чтобы она сбежала вместе с ним.

Изабелла все время твердила, что жить без него не может, но тут сразу ответила отказом. Она никогда и не помышляла о том, чтобы бросить мужа ради него.

Ричард убедил себя, что она отказалась, боясь мужа, и предложил ей свою защиту. Но, даже представая убитой горем влюбленной, она снова ответила отказом, заявив, что иного выхода нет.

Только после этого ярый жар его вожделения превратился в холодную сталь цинизма. И Ричард взглянул правде в глаза.

Она предпочла безопасность и роскошь более покладистого мужчины, за которого вышла замуж в двадцать лет и которого легко держала под каблуком. А с ним, Ричардом, она лишь восполняла недостаток страсти в постели.

Но она наверняка еще долго жалела о своем выборе, когда

вскоре после этого он уничтожил ее «папика», затянув этот процесс, мучительно, вместе с ним растирая в порошок ее шикарную жизнь.

Плывать, что с ней произошло... Она сама вырыла себе яму. Но сейчас это видение из прошлого на экране выглядело на удивление цельным. Даже на видео низкого качества четко улавливалась ее невозмутимость. Похоже, испытанные невзгоды не затронули ее достаточно глубоко.

Картинка на экране оборвалась после того, как женщины вошли в здание. Ричард уставился на черный экран, а в его сознании замелькали вопросы.

Что она делала на работе у Роуз? Не похоже, чтобы это была их первая встреча. Как же он упустил из виду их общение, переросшее, похоже, в дружбу? Как она вообще умудрилась познакомиться с Роуз?

Таких совпадений не бывает.

Но как иначе это объяснить? Она не могла знать о его родственной связи с Роуз. Личность Ричарда Грейвса – та самая, которую он присвоил себе после того, как агент Кобра остался в прошлом, – была тщательно подделана. Даже Организация с ее безграничными источниками информации не нашла ни одного маломальского доказательства, связывающего его с их исчезнувшим агентом.

Как бы там ни было, его роман с Изабеллой закончился окончательно и бесповоротно. Но, поклявшись, что никогда не будет следить за ее жизнью, он дал слабину на другом

фронте. Он не сжигал мосты еще целый год после расставания – на тот случай, если бы ей захотелось восстановить их связь. Но она этого не сделала. Пожелай она этого сейчас, наверняка нашла бы способ привлечь его внимание. Не было никакого смысла добираться до него через Роуз. Или все-таки был?

Ричард вскочил, схватил телефон и набрал номер Мердока.

Едва раздались гудки, он рявкнул:

– Надо поговорить!

Спустя миг зазвучал низкий голос Мердока, одновременно сдержанный и удивленный:

– Сэр?

Кровь Ричарда уже бурлила от нетерпения.

– Та женщина, с моей сестрой. Что она с ней делала?

– Об этом – в отчете, сэр.

– Черт возьми, Мердок, я не читаю твои отчеты по тридцать страниц!

Мердок ошарашенно замолчал, ведь именно этим Ричард и занимался на протяжении прошлого года. Он сам потребовал, чтобы Мердок детально фиксировал каждый вздох Роуз. Но сейчас не мог сосредоточиться на одном-единственном пункте.

– Все, что я выяснил об отношениях доктора Андерсон с данной женщиной, изложено на последних двух страницах, сэр.

– Ты что, головой повредился, Мердок? Не слышишь, что я говорю? Мне нужен твой словесный отчет. Сейчас же.

В ответ на шквал нападок огорчение подчиненного почти осязаемо повисло на линии, напоминая Ричарду, что Оуэн Мердок был пережитком прошлой эпохи.

Ричард всегда считал, что Мердоку было бы гораздо комфортнее в другом времени, например, у Круглого стола короля Артура. Он относился к Ричарду с пылом рыцаря, служащего своему сюзерену.

Он был первым парнем, которого дали Ричарду в ученики, когда тот только-только вошел в состав Организации в качестве тренера... Ричарду в ту пору было шестнадцать, Мердоку – шесть, как и Рафаэлю. Ричард работал с ним еще шесть лет, пока Мердока у него не забрали, дав ему взамен Рафаэля.

Мердок не желал работать под началом другого руководителя до тех пор, пока не вызвали Ричарда, чтобы все уладить. Ричард попросил Мердока подыграть и пообещал, что однажды вытащит его. Мердок беспрекословно повиновался. И поверил.

Ричард выполнил обещание, забрав Мердока с собой и создав новую личность и для него тоже. Но вместо того чтобы зажить своей жизнью, Мердок сам пожелал остаться у него на службе.

Фактически Мердок с самого начала был на равных с остальными парнями из «Черного замка», он мог бы добить-

ся высокого положения и самостоятельно. Но считал, что многим обязан Ричарду, поэтому перед тем, как двигаться дальше, хотел вернуть ему долг. Понимая, что для него это жизненно важно, Ричард позволил ему остаться.

Теперь, спустя десять лет, Мердок по-прежнему не проявлял желания уходить. Вскоре Ричарду предстояло вытолкнуть его в свободное плавание, хотя это и было тяжело, словно в буквальном смысле потерять правую руку.

Молчание Мердока заставило Ричарда пожалеть об эмоциональной вспышке. Правая рука всегда гордился умением предугадывать его запросы и превосходить его ожидания. И больше всего на свете Ричард не хотел злоупотреблять такой преданностью.

Не успел он смягчить свои слова, как Мердок заговорил ровным тоном, не выдававшим ни возмущения, ни обиды:

– Хорошо. Поначалу казалось, что эта женщина – просто очередная коллега доктора Андерсон. Я проверил ее, как обычно, и не выяснил ничего особенного. Но потом узнал нечто, заставившее меня копнуть глубже. Я обнаружил, что она легально сменила фамилию пять лет назад, прямо перед своим первым после шестилетнего отсутствия приездом в США. Ее звали...

– Изабелла Бертон.

Какое-то время Мердок переваривал тот факт, что Ричард уже знал ее. Ни Мердок, ни Рафаэль не были в курсе истории с Изабеллой.

Мердок продолжил:

– Теперь она – доктор Изабелла Сандовал.

Сандовал. Таких девичьих фамилий у нее не значилось. У Изабеллы, уроженки Колумбии, их было две. Взяв новую фамилию, она явно пыталась стать другой личностью после того, что случилось с ее мужем. Это объясняло и изменения в ее внешности. А еще она теперь была врачом.

Мердок все докладывал:

– Но насторожило меня не это – не из-за этого я показал вам ее встречу с доктором Андерсон. Я обнаружил в ее биографии пробел в целых тринадцать лет. С двенадцати до двадцати пяти лет мне не удалось найти ни единого обрывка информации о ней.

Понятно. Она начисто стерла время, когда была женой Бертона и – по каким-то причинам, известным только ей, – годы перед этим. Несомненно, скрывала компрометирующие сведения, из-за которых ее не приняло бы ни одно благопристойное общество.

– Информацию можно проследить с ее двадцатилетнего возраста, когда она начала учиться в ординатуре по хирургии в Колумбии вдобавок к курсу детской хирургии в Калифорнии. Это была особая, «внеплановая» договоренность об обучении в ординатуре с заведующим хирургическим отделением центральной клинической больницы. В прошлом году она получила американский диплом и профессиональный сертификат. После этого неделю назад она

приехала в США и сняла на год дом с шестью спальнями в квартале Куинса Форест-Хиллс-Гарденс. Она здесь по приглашению докторов Роуз и Джеффри Андерсон, чтобы приступить к работе в их частной клинике в качестве полноправного партнера, крупного акционера и члена правления.

Ричард был так потрясен, что не помнил, как закончил разговор. А потом снова и снова пересматривал видео, не в силах оправиться от шока.

Изабелла. Она собиралась стать деловым партнером его сестры.

Ругнувшись себе под нос, он выключил видео, чуть не сбросив пульт.

Черта с два у нее это получится!

Спустя четыре часа Ричард чувствовал себя так, будто из водительского сиденья его «роллс-ройс-фантома» выросли раскаленные иглы.

Прошло уже больше двух часов с тех пор, как он припарковался напротив дома своей сестры. Он поехал сюда сразу после того, как Мердок перезвонил, добавив, что Изабелла ужинала там сегодня вечером. Она давно должна была выйти.

Что же могло так ее задержать? Похоже, дело обстояло хуже, чем он думал... Изабелла была близкой подругой его сестры, а не просто деловым партнером. И речь явно шла не о невинной дружбе. Только не со стороны Изабеллы. Она

всегда была себе на уме, добивалась своего обманом и манипуляцией. Да и медицинский диплом наверняка получила с помощью какой-то хитрой аферы.

Но все это были лишь домыслы. Ричард примчался сюда, как только Мердок сообщил, что они покончили с ужином и кофе, рассчитывая перехватить Изабеллу после того, как она выйдет. Но ее визит настолько затянулся, что Ричард боролся с желанием вломиться в дом и силой вытащить ее оттуда. Не для того он держался в стороне от жизни сестры, чтобы позволить какой-то коварной оболъстительнице испортить эту жизнь своими злыми намерениями, безобразным прошлым и умением использовать других!

Входная дверь двухэтажного дома наконец-то открылась, и оттуда показались сначала Изабелла, а потом Роуз. Ричард напряженно застыл, силясь разобрать веселый тон через открытое окно. Потом они поцеловались, обнялись, и Изабелла стала спускаться по лестнице. У основания она помахала Роуз, потом повернулась и перешла улицу, направляясь к своему автомобилю.

Как только Роуз закрыла дверь, Ричард вышел из машины. В свете тусклых уличных фонарей фигура Изабеллы сияла в светлом летнем пальто, накинутом на легкое платье. Копна темных шелковистых волос развевалась, спадая на лицо, а глаза Изабелла опустила, роясь в сумочке.

Ричард подошел к ней:

– Разрази меня гром, если это не Изабелла Бертон!

Она ошарашенно остановилась на полном ходу, и ее всполошенное резкое дыхание эхом отозвалось в ночной тишине. Потом она вскинула голову и взглянула ему в глаза.

Будто стрела поразила его в самое сердце.

Его внезапное появление, казалось, потрясло ее еще сильнее. Наверное, останови ее призрак, чтобы спросить, который час, и то она не выглядела бы более потрясенной... или испуганной.

– Что... Черт возьми, откуда ты?..

Она осеклась. Словно не нашла слов. Или дыхания, чтобы их произнести. Ричард был потрясен не меньше... своей собственной реакцией. А он-то думал, что при виде нее ничего не почувствует...

Она изменилась. Почти до неузнаваемости. Тем более странно, что он мгновенно узнал ее на том видео. Ее лицо утратило округлость молодости, превратившись в шедевр утонченности. Если она и была неотразима прежде, теперь ее чары стали совсем неодолимыми.

Но ее глаза изменились больше всего. Те самые глаза, которые, как он когда-то думал, открывали дверь в волшебный мир ее существа. Они сияли тем же неповторимым изумрудно-топазным хамелеоновым цветом, но теперь, словно под пеленой потрясения, казались бездонными, темными. И полными горя.

Она прикрыла глаза, прервав этот гипноз.

Ричард стиснул зубы и сам опустил глаза, пробежав взгля-

дом по ее фигуре. Даже через просторную одежду ее тело все еще будоражило его. Как и всегда, оказываясь рядом с ней, он изнывал от страсти.

Дуновение ветерка подхватило исходивший от нее аромат и обдало им Ричарда, будто наполнив его тело расплавленной сталью. Одно в ней точно не изменилось – эта квинтэссенция благоухания и женственности.

Скованный твердостью, он снова взглянул на Изабеллу, стора от желания прочесть ее реакцию. Благодаря ее статной фигуре их глаза словно оказались на одном уровне, хотя даже на высоких каблуках Изабелла была значительно ниже его высоченной, под два метра, фигуры.

– Ричард. – Она формально кивнула, будто приветствуя кого-то малознакомого. А потом просто обошла его и двинулась к своей машине.

Вскинув бровь, он позволил ей пройти мимо.

Вот так. Открытая атака оказалась не такой эффективной, как он рассчитывал. Она справилась с потрясением от этой встречи быстрее его.

Конечно, она считала любого, кто знал ее настоящую персону, серьезной угрозой. Опасность, исходившая от него, и вовсе была неизмеримой. Если бы Изабелла ожидала встречи с ним, вряд ли отделалась бы от него так быстро.

Что доказывало: она изначально не связывала его с Роуз и уж точно пришла сюда не по его душу. Но это ничего не меняло.

Что бы ни привело ее сюда, она этого не получит.

Он смотрел перед собой, слушая ровный перестук ее удаляющихся каблучков, и мрачная улыбка кривила его губы.

В прошлом ушел именно он. Но приняла решение она. И теперь он забавлялся, позволяя ей думать, что выбор по-прежнему оставался за ней. Пусть она считает его появление стечением обстоятельств, которое не повлечет негативных последствий. Скоро он лишит ее этой иллюзии.

В прошлый раз он не мог идти против ее воли. На сей раз он заставит ее делать то, что хочет он. А хотел он в данный момент одного: изведать ее прелестей еще раз. И он решил отложить свою главную цель до тех пор, пока не удовлетворит страстное желание, снова взревшее внутри при виде Изабеллы.

Услышав, как она открыла дверцу машины, Ричард повернулся.

Изабелла пошатнулась, когда он подошел сзади и тихо сказал:

– Я поеду впереди. Следуй за мной.

Направляясь к своей машине, припаркованной чуть дальше, он спиной чувствовал ее взгляд. Открывая дверцу, обернулся, как раз вовремя, чтобы заметить ее реакцию.

– Какого черта... – Она запнулась, словно ей было больно говорить.

Он вздохнул:

– Запас моего терпения на эту ночь иссяк. Поезжай за

мной. Сейчас же.

Она взглянула на него, сверкнув глазами, и вновь обрела дар речи. Это был не бархатистый ласковый голос, эхом отзывавшийся в его голове восемь бесконечных лет, а острый, как лезвие, тон.

– И не подумаю.

– Мое требование – проявление вежливости. Я даю тебе шанс сохранить достоинство.

Рот Изабеллы удивленно приоткрылся, но она тут же с издевкой бросила:

– Ну и ну, вот спасибо! Я и сама могу позаботиться о сохранении своего достоинства. А теперь я поеду, и если ты последуешь за мной, то позвоню в полицию.

Ричард совсем не ожидал такой враждебности, учитывая то, что в момент их расставания Изабелла рыдала так, словно у нее вырывали сердце. Но сейчас она бросала ему вызов, и от этого кровь по его венам забурлила с порочной веселостью. Что ж, он заставит ее удовлетворить каждую его прихоть.

Он одарил ее своей фирменной улыбкой, способной обратить в дрожь и монстров.

– Если ты уедешь, я не стану тебя преследовать. Я постучу в дверь твоих друзей и расскажу им, с кем на самом деле они собираются начать бизнес. Андерсоны вряд ли придут в восторг, когда узнают, что ты была – и, возможно, еще останешься – женой наркобарона, работоторговца и международно-

го террориста.

Глава 2

Изабелла вглядывалась в эту безжалостную, неумолимую силу, которая заслоняла собой мир. Когда он материализовался перед ней, как огромная глыба, принимая форму донельзя ненавистного существа, ее сердце чуть не разорвалось.

Но она пережила так много ужасов и ей всегда столько нужно было защищать, что ее механизмы выживания постоянно находились в повышенной боевой готовности. И все равно ее пригибало к земле от ужаса.

Ричард. Здесь. Из глубин темного, отвратительного прошлого. Мужчина, который соблазнил, использовал... и чуть не погубил ее.

Сейчас Изабелла казалась сильной и цельной, но, несмотря на все усилия, ей не удавалось заделать глубокие трещины, оставленные Ричардом в ее душе. Она только что приблизилась к тому, чтобы по-настоящему начать все с нуля. И тут будто из ниоткуда появился он.

Это потрясло Изабеллу даже больше, ведь она только что думала о нем. словно наколдовала его. Собственно, да прекращала ли она когда-нибудь вспоминать о нем?

Существовало лишь одно объяснение его возвращения. Это была случайность. А как могло быть иначе после восьми прошедших лет?

И раз их встреча была совпадением, она решила удрать, считая, что мужчина, который использовал ее, а потом бросил на произвол судьбы, просто пожмет плечами и пойдет дальше.

Увы, он не только не растворился в ночи, как жуткий призрак, но и выдвинул свой абсурдный ультиматум.

Много лет назад, зная, что никогда не сможет простить Ричарда, Изабелла все же долго искала объяснение его поступкам. Позже она поняла, что ради достижения своих целей он мог переступить через кого угодно. Она и все, чем он с ней занимался, были частью какого-то задания.

Но теперь, с наслаждением угрожая разрушить все, что она с таким трудом выстраивала последние восемь лет, он действовал исключительно ради собственной забавы. Мужчина, которого она когда-то любила, из хладнокровно-прагматичного ублюдка превратился в монстра.

– Только не надо так пугаться.

Его глубокий баритон захлестнул ее снова. Годы превратили тридцатичетырехлетнего полубога чувственности в самого что ни на есть бога – правда, злобы и порока. Он по-прежнему источал сексуальность и пускал в ход принуждение – теперь обе эти черты подчеркивали преумножившаяся сила и зрелость.

– У меня нет желания выводить тебя на чистую воду. – От его голоса волосы у нее на голове зашевелились. – Если ты подчинишься, твоя тайна не раскроется.

Призывая всю свою бесстрастность, Изабелла вскинула голову:

– А почему ты думаешь, что я не рассказала им все?

– Я не думаю. Я знаю. Ты зашла бы очень далеко, чтобы сохранить свой новый имидж святой Сандовал. Разумеется, ты сделаешь все, что бы я ни потребовал, чтобы никто, начиная с Андерсонов, никогда не узнал, кто ты на самом деле.

– Кто я? Ты говоришь так, будто я – какое-то чудовище.

– Ты замужем за чудовищем. Так что ты того же сорта.

– Я не замужем за Калобом Бертоном. Вот уже восемь лет. Тень проскользнула в глубине его холодных, как сталь, глаз. Но его тон остался пренебрежительным.

– Значит, речь идет о прошлом. Полном преступлений.

– У меня никогда не было судимостей.

– Твои преступления остаются преступлениями, даже если тебя не поймали.

– А как насчет твоих преступлений? Давай поговорим о них.

– Давай не будем. Это обсуждение займет месяцы, потому что их – несметное множество. Но меня нельзя уличить. Зато твою вину с легкостью можно доказать. Ты точно знала, как твой муж сколотил баснословное состояние, и не предприняла ни малейшего усилия, чтобы изобличить его, что делает тебя соучастницей всех его преступлений. Не говоря уже о том, что ты прикарманила миллионы его кровавых денег. Только по этим двум обвинениям тебе может светить десять

– пятнадцать лет в тюрьме строгого режима.

– Ты угрожаешь отдать меня под суд?

– Не дури. Такие банальные меры не для меня. Я не позволяю закону наказывать моих врагов, у меня свои собственные методы. Хотя в твоём случае мне и не нужно к ним прибегать. Просто слегка поболтаю с твоими честными, уважаемыми друзьями.

– Что бы ты там ни думал своим извращенным мозгом, на свете есть порядочные, великодушные люди. Андерсоны не ставят людям в вину их прошлое.

В ответ на ее высокомерное презрение он пустил в ход свою фирменную уничтожающую насмешку:

– Если бы ты в это верила, не прикладывала бы такие титанические усилия, чтобы создать для себя новую личность и биографию.

– Я пошла на это, только чтобы защитить себя.

Ты должен это оценить – как один из самых влиятельных в мире магнатов, сколотивших состояние на обеспечении безопасности.

Его беспощадные губы дернулись.

– Твоим деловым партнерам будет неинтересно узнать о твоём браке с одной из самых значительных фигур мировой организованной преступности. Равно как и о полном наборе незаконных, безнравственных поступков, который повлек этот брак. Откажись следовать за мной, и мы проверим, так ли уж верно ты оцениваешь их взгляды.

Теряя способность дышать, Изабелла резко бросила:

– Что, черт возьми, тебе от меня нужно?

– Хочу поболтать.

Ее рот изумленно раскрылся. С трудом справившись с потрясением, она недоверчиво прошипела:

– Значит, ты увидел меня на улице и решил тут же, на этом самом месте, шантажировать меня, по тому что тебя обуяло желание «поболтать»?

Его губы сжались – как и все внутри у Изабеллы.

– Ради всего святого, неужели ты считаешь, будто я случайно прогуливался в этом захолустном семейном местечке под названием Плезентвилль?

– Ты следил за мной?

Кровь застыла у нее в жилах, а Ричард лишь подернул плечами:

– Что-то ты не торопилась уходить. Я уже собирался постучать в дверь Андерсонов, чтобы понять, что же так тебя там задержало.

– И ты из кожи вон вылез ради того, чтобы просто «поболтать»?

– Да. И кое-чего еще.

– Какого такого «кое-чего еще»?

– Это ты узнаешь, когда перестанешь пререкаться и поедешь за мной. Я бы приказал тебе сесть ко мне, но твоя подруга может увидеть, что ты оставила свою машину, и напридумывает что-нибудь ужасное.

– Ничего не может быть ужаснее того, что происходит на самом деле.

Его лицо ожесточилось, приняв пугающее выражение.

– Ты боишься меня?

Такой расклад явно не приходил ему в голову.

Теперь же это, казалось... оскорбило его.

Странно, но, зная Ричарда в качестве беспощадного терминатора, Изабелла и мысли не допускала о том, что он причинит ей вред.

Она боялась его по совершенно иной причине.

Она не собиралась объяснять почему. Но честно ответила:

– Нет, не боюсь.

– Хорошо.

Ах, как бы ей хотелось стереть эту радость с его безжалостно прекрасного лица!

– Я не боюсь, потому что знаю: если бы ты хотел навредить мне, я ни за что не узнала бы, откуда пришелся удар. Раз ты просто принуждаешь меня к чему-то, я не состою в твоём расстрельном списке.

– Отрадно, что ты понимаешь ситуацию. – Обжигающая душу улыбка снова заиграла на его губах. – Поехали?

Она не могла сдвинуться с места, не в силах оторвать от Ричарда взгляда и совладать с путаницей мыслей.

Он с самого начала загнал ее в угол, но Изабелла хотя бы дала волю гневу и горечи, выпустила наружу чувства, которые считала угасшими. Теперь-то было ясно, что эти чувства

лишь скрывались под слоями самообмана. Ничего не оставалось, как уступить требованию Ричарда. Если он играючи превратил в фарш такого законченного злодея, как Бертон, намного проигрывая ему в опыте и влиянии, на что же он был способен сейчас?

Изабелла решила уступить и по другой причине. То, что она так поздно узнала правду о нем, об их отношениях, оставило у нее внутри зияющую дыру. Она хотела заполнить эту пустоту. Поставить точку.

Не отрываясь от его гипнотического взгляда, она кивнула.

Ричард повернулся и двинулся вперед. Перед тем как сесть в блестящее черное чудовище, он надменно оглянулся из-за широкого плеча и бросил на своем родном британском английском:

– Поживее.

Через несколько минут Изабелла уже ехала за ним к Манхэттену, и эмоции кипели внутри ее. Ярость, досада, страх – и что-то еще.

И это «что-то еще» напоминало... возбуждение.

Удивительным образом мужчина, опустошивший ее сердце и чуть не погубивший ее, оставался единственным, кто мог пробудить ее к жизни.

– Покончим же с этим. Говори.

Изабелла бросила сумочку на черно-бронзовый кожаный диван в гигантском, с высоченными потолками и мраморны-

ми полами, холле и взглянула на Ричарда.

А он с тем же хищным выражением лица продолжал невозмутимо готовить напитки у бара.

Так-то. Он будет говорить, когда пожелает. А он не желал. Пока нет.

Пришлось мириться с этим. Хорошо еще, что во время сорокаминутной поездки она позвонила домой и предупредила, что будет поздно.

Притворяясь, что ей нет никакого дела до его пренебрежения, Изабелла огляделась – и изумилась.

Пентхаус на Пятой авеню с видом на окутанные теперь тьмой Центральный парк и сияющий манхэттенский Верхний Ист-Сайд красноречиво поведали ей, каким баснословно богатым он стал. Эта шикарная, футуристичная двухуровневая квартира на шестьдесят седьмом и шестьдесят восьмом этажах стоила десятки миллионов.

В этом полностью автоматизированном «умном» доме потрясли воображение лифт, двери, снабженные дистанционной системой распознавания голоса и сетчатки глаза, и все примерно в том же духе. Здесь даже помещался довольно большой бассейн.

Проходя мимо искрящегося водного пространства, Ричард поведал то, о чем Изабелла не знала. Что он ненавидел солнце и предпочитал заниматься спортом в закрытом помещении. Понятно, что и людей он тоже ненавидел, раз устроил бассейн в гостиной на вершине мира вдали от до-

садной помехи в виде простых смертных.

А когда Ричард стал рассказывать, как усиленно тренируется, Изабелла потеряла нить разговора. Ее сознание заполнил образ того, как он ныряет в жидкую бирюзу, а потом поднимается из воды, и струйки стекают по его божественному телу...

Потом Изабелла заметила Г-образную террасу внушительных размеров, откуда наверняка открывался потрясающий вид на город. Как и из каждого уголка этого ультрасовременного логова демона.

Изабелла отметила дизайнерскую мебель и широкие книжные полки на нижнем этаже. Он наверняка прочитал все эти книги, заархивировав их содержание в замысловатых лабиринтах сознания. Но по-настоящему уникальным мезонинный этаж делали стеклянный пол и прозрачная балюстрада. От взгляда вниз сердце замирало в груди.

Впрочем, Ричард ведь был бессердечным... И это потрясающее, но бездушное место только подчеркивало сей факт.

То, что у него были другие резиденции на Западном побережье и в Англии, – несомненно, на том же уровне роскоши и технологий, о чем он сообщил мимоходом, – потрясло еще больше. Бертон был миллиардером, но его богатство было на порядок меньше состояния Ричарда, который теперь входил в сотню богатейших людей на планете.

Эти деньги Ричард заработал благодаря характеру и профессиональным знаниям. Корпорация «Черный замок», ко-

торую он с нуля выстроил с шестью деловыми партнерами, была одной из самых влиятельных компаний в истории.

– Я только сегодня узнал о том, что ты в Штатах.

Интеллигентная четкость его британского акцента так и будоражила воспоминания... Когда-то Изабелла упивалась четкостью его отточенных фраз. Четыре месяца их романа она пребывала в постоянном возбуждении.

Он подошел, словно неторопливый тигр, преследующий добычу. Каждый мускул и сухожилие напрягались под черной рубашкой и брюками, а его пылкие глаза цвета неба пронзали миллионами вольт харизмы. Знакомое страстное желание, уже основательно подзабытое, всколыхнулось у Изабеллы внутри.

Время обошлось с ним до преступного снисходительно, усовершенствовав каждую из его прекрасных черт – расширив плечи, сделав сильнее поясицу и ноги, накачав торс и бедра. Возраст отточил лицо, высек на нем плоскости и углы, сделал кожу бронзово-темной и усилил блеск глаз. Пышные волосы цвета воронова крыла посеребрила седина на висках, добавив последний штрих шарма. Теперь он был лучшим образцом самой отменной мужественности.

Ричард потянулся к коктейльному бокалу, и его кончики пальцев задели ее пальцы, пронзив тонким разрядом электричества.

Надо же. Несмотря на его прошлый обман, на то, что теперь она знала его истинную натуру, Изабелла видела и чув-

ствовала лишь мужчину, который когда-то обладал ею, доставляя невероятное наслаждение.

Она поспешила сесть, не давая ему осознать, что он по-прежнему заставлял плавиться ее колени... и все остальное. Почувствовав себя безопаснее, она осмелилась поднять на него взгляд:

– И в тот самый момент, когда ты понял, что я ступила на американскую землю, ты решил выследить и подкараулить меня.

– Точно.

В мгновение ока он оказался рядом, в который раз восхищая силой и самоконтролем, которые требовались человеку его роста и внушительной комплекции, чтобы так легко двигаться. Каждый нерв Изабеллы воспламенился.

Потягивая янтарную жидкость из хрустального бокала, Ричард заметил:

– Я помню, как мы познакомились.

Она сделала глоток только для того, чтобы подавить желание выплеснуть содержимое своего бокала ему в лицо. Напиток освежил пересохшее горло. Прекрасная прохлада и приятный вкус, мало алкоголя, много сладости...

Он помнил, какие напитки она любила.

На Изабеллу нахлынуло что-то вроде сожаления, но потом вдруг вскипела горечь, дремавшая в глубинах души.

– Мы не познакомились, Ричард. Тогда ты тоже все подстроил. И притворился, что мы встретились случайно.

Уголки его губ беспечно вздернулись.

– Верно. Я не трачу время на бессмысленные преследования. Я уже понял, что ты все знаешь. Твоя враждебность ясно дала понять, что ты не лила потоки слез после моего ухода.

– Почему ты решил, будто это из-за того, что я все знаю? Может быть, это классическая женская обида за вышеупомянутый уход. Ты ведь не ожидал, что даже такая глупая простушка, которой я была, бросится в твои объятия спустя восемь лет?

– То, что ты осознала, заставило тебя измениться. Ты явно все поняла. – Он пронзил ее взглядом, словно исследуя до клеточного уровня. – Так как ты узнала?

– Сам знаешь как.

– Может быть, и знаю. Но мне хотелось бы услышать детали.

С ее губ сорвался невеселый смешок.

– Если ты спрашиваешь для того, чтобы никогда больше не спалиться, можешь не беспокоиться. Я поняла все не из-за какой-то своей невероятной проницательности, да и осознание пришло лишь спустя три года после расставания. – На этих ее словах Ричард вскинул бровь. – Жалко звучит, правда?

– Я бы не стал так говорить. Детали нужны мне не на будущее. Я знаю, что меня нельзя проследить. Доказательств у тебя нет. А даже если бы и нашлись, я позаботился бы о том,

чтобы ты и впредь их скрывала. Просто теперь, когда игра наконец-то закончена, можно раскрыть все карты.

– Ты ничего не раскрыл.

– Раскрою все, что ни пожелаешь. Но сначала ты.

Изабелла вздохнула, снова уступая ему.

– Когда как гром среди ясного неба на Бертона посыпались удары, я подумала, что он просто пренебрег мерами безопасности. Но он уверял, что ничего не упускал, что я – единственная, кто знает все, чем он занимался. Мне казалось, он просто ищет, кого бы обвинить в своих бедах. И я поняла, что скоро он решит, будто его предала я. Поэтому и сбежала.

Осушив бокал, Ричард поставил его на журнальный столик, откинулся назад и пронзил ее взглядом.

Усилием воли сдержав рвущиеся с губ потоки обвинений, Изабелла перескочила два худших года своего адского существования и продолжила:

– Позже я снова размышляла над обвинениями мужа, задаваясь вопросом, не повела ли себя как-нибудь опрометчиво, не наболтала ли лишнего. И вдруг подумала о единственном человеке, с которым могла вести себя неосторожно. О тебе. Я проанализировала время, которое мы провели вместе, и поняла, как изобретательно ты вытягивал из меня информацию.

– И осознала, что именно я отправил его ко всем чертям.

Она кивнула, вспоминая, какие муки тогда испытывала,

как переживала невероятное предательство...

– Меня осенило, что ты вытянул у меня все тайны, а потом попросил сбежать с тобой, чтобы помучить Бертонна, унижить его по всем фронтам. Тогда все вдруг встало на свои места, и я не могла поверить, что ни разу за все эти годы не заподозрила тебя. Все ведь так логично: уничтожить одного монстра может только другой монстр.

В нем вдруг всколыхнулась беспощадная жестокость.

– В моей постели ты кричала совсем не о монстре.

– Вот только не нужно об этом! Да, я была слишком рассеянной. А потом у меня появилось лишь одно желание: забыть, что я когда-либо встречала тебя.

– Ага, не дождешься! Даже если наша встреча не была случайной, она навсегда осталась в памяти.

Неужели роковая встреча, перевернувшая ее жизнь вверх тормашками, что-то значила и для него?

По легенде он обеспечивал безопасность гуманитарной организации, на которую она работала. Он настоял на встрече со всеми волонтерами, готовившимися к опасной миссии в Колумбии, чтобы оценить, кто готов к этой поездке.

С первого же мимолетного взгляда его образ отпечатался в ее сознании.

Никто и ничто еще не ошеломляли ее так, как он. И не потому, что он был самым восхитительным мужчиной, которого она когда-либо видела. Было в нем нечто неизмеримо большее. Его испытующий взгляд обнажал, его вопросы вы-

водили из состояния равновесия. Ричард потряс ее до глубины души, заставив чувствовать себя потерявшей голову идиоткой, пока она вяло отвечала на его безостановочно сыпавшиеся вопросы.

После того как Ричард сообщил ей, что она прошла испытание, Изабелла, пошатываясь, вышла из его кабинета. Она и не знала, что мужчина может быть таким неотразимым, способным распалить ее, просто глядя с противоположного конца стола. Никогда прежде она не ощущала такого возбуждения...

– А ты изменилась, – вдруг бросил он. Изабелла моргнула, осознав, что все это время пристально смотрела на него. – Твои тело и черты стали утонченнее... твои волосы – темнее. Удачная маскировка, которая пошла тебе на пользу.

– Я хотела измениться, чтобы защитить себя, но в итоге даже не пришлось сильно стараться. Время само все изменило. И это мой настоящий цвет волос. То, что я больше не обесцвечиваю волосы, – вторая лучшая вещь, которую я сделала в своей жизни, после избавления от Бертона, настаивавшего, что мне лучше быть блондинкой.

Губы Ричарда сжались.

– Бертон был не только развращенным кретином, но и безвкусным чудачком. Это ласкающее глаз пиршество карамели и шоколада в твоих волосах обрамляет кремовый оттенок твоего лица и сияющие, как драгоценности, глаза намного лучше, чем любой белокурый оттенок.

Она снова растерянно моргнула. Ричард Грейвс делает ей комплимент? Да еще такой вычурный?

И он еще не закончил.

– Перед тем как подойти к тебе сегодня, я видел фотографии и знал о твоей необыкновенной красоте. Но когда я увидел тебя воочию, эффект был ошеломляющий. Забрав миловидность юности, время принесло взамен глубокую, истинную красоту. И, по-моему, оно будет одаривать тебя все щедрее. Ты была сногшибательной, а теперь стала утонченной. И с годами будешь просто божественной.

Изабелла в изумлении раскрыла рот. Давным-давно она верила Ричарду, когда он превозносил ее красоту. Но даже тогда его похвалы не были столь пылкими и поэтичными. Теперь же это... оскорбляло ее так, что и словами не описать.

Ярость вскипела в ее крови.

– Прекрати, а то меня стошнит. Мы оба знаем, что ты на самом деле обо мне думаешь. Это «кое-что еще» ты имел в виду? Попотчевать меня нелепой лестью и поразвлечься за мой счет?

– На самом деле я пробую силы в искренности. Что же касается «кое-чего еще», то я имел в виду... это.

И она вдруг оказалась лежащей на спине, а Ричард навис над ней, его торс вжался в ее груди, его бедра втиснулись между ее бедрами.

А потом он приподнялся над ней, заставив прерывисто колотившееся сердце замереть у нее в груди.

Так, должно быть, выглядит дьявол перед тем, как забрать душу.

Неизбежный. Ненасытный. Ужасающе красивый.

– Восемь лет, Изабелла. Восемь лет я был лишен этого. Теперь-то я снова заполучу все. Я поглощу всю тебя, до последней частички, до последней капли. Именно для этого я и привез тебя сюда. Именно для этого ты на самом деле приехала.

Глава 3

Время будто замерло, пока она лежала под Ричардом, не в силах шелохнуться. А потом все, копившееся у нее внутри после его ухода, – отчаяние, тоска, страстное желание, – прорвалось наружу, заставив ее задрожать.

Эта дрожь передалась его огромному телу, заставив еще сильнее прижаться к Изабелле и крепко прильнуть губами к ее рту.

Ричард проник языком глубже, наполняя ее кровь своим ароматом и вкусом, и Изабелла чуть не сошла с ума, пытаясь остаться отстраненной и холодной. Но потом, с жадностью прильнув к его губам, отдалась легкомыслию, наслаждаясь тем, как он наполняет ее рот, выпивает ее так, как она помнила и жаждала. Ричард не целовал. Он вторгался, опустошал.

Ричард втянул ее в страстный водоворот, напомнив о первом поцелуе, давшем начало ее одержимости...

В тот день он материализовался, будто в ответ на ее молитву, справившись с боевиками, угрожавшими ее группе смертью. Помнится, Изабеллу потрясла мысль, что она могла умереть, не заполучив того, кого хотела больше всего на свете, – его. Она была настолько благодарна, настолько преисполнена благоговения, что решила предложить ему то, что он, казалось, так неумолимо хотел. Саму себя.

Он впустил ее в свою комнату, испепеляя взглядом, и Изабелла, тая от желания, позволила ему делать все что угодно. Тогда-то Ричард впервые и завладел ее ртом, вот так же жадно поглощая, с тем же нарастающим неистовством. Какое же блаженство дарил его поцелуй – сердце останавливалось в груди! Ее тело вспыхнуло от одного его прикосновения, и с каждой его лаской этот огонь разгорался все сильнее.

Теперь пожарище бушевало еще яростнее, разжигаемое гневом и враждой, раздуваемое болью. Это было неправильно, безумно... И она хотела этого – хотела Ричарда – больше жизни.

Грубость, с которой он дразнил ее набухшие соски, власть, с которой прижимался к ее пылающему женскому естеству, заставляли Изабеллу еще шире разводить бедра, напрягать тело, чтобы крепче обхватывать его, стонать громче... Безрассудное возбуждение ломало оковы враждебности, увлекая в свой водоворот.

И тут Ричард резко отпрянул и снова навис над Изабеллой, вырвав из ее груди крик потери.

– Я должен был слушать свое тело – и твое – и сделать это сразу же, как только привел тебя сюда.

Ей следовало бы возмутиться такой самоуверенностью, но страстная жажда бурлила в ее теле, требуя удовлетворения.

– Скажи, что именно этого ты и хотела все эти годы. Скажи это, Изабелла.

Он сжал ягодицы женщины, заставляя ее таять от вожде-

ления. Но суровость, сковавшая его черты, резко вывела ее из состояния восторженной покорности.

Мир вдруг взорвался великим множеством эмоций, очнувшись после долгих лет застоя. Лет, когда она ощущала Ричарда лишь во снах, которые оборачивались кошмарами. В тех видениях он всегда возбуждал ее до безрассудства, чтобы потом оттолкнуть и сорвать с себя маску. Безжалостное лицо, которое представало перед тем, как он покидал ее, рыдающую, заставляло Изабеллу просыпаться в слезах.

И теперь, вспомнив эти кошмары, Изабелла принялась яростно бороться, чтобы снова не скатиться в пропасть одержимости.

– А что, если я не скажу это? – Ее голос дрогнул.

В ответ на вызов Ричард отпрянул от нее, трепеща всем телом, и поднялся на ноги. А Изабелла, к стыду своему, осознала, что ждала иного: новой стремительной атаки, выводящей страсть на очередной виток. Она ждала, что Ричард подхватит ее на руки и отнесет к постели.

Но он лишь уселся за журнальный столик, явно решив закончить страстную игру. От разочарования Изабеллу снова сковала неподвижность.

Как же жалко она выглядела – сломленная, униженная... Вне себя от досады, она с трудом подняла ставшее ватным тело и одернула платье.

Как только она привела себя в порядок, Ричард протянул:
– Ну а теперь, когда нет ни намека на физическое принуж-

дение... скажи это.

Сердце оборвалось в груди от его обманчиво спокойного приказа.

– Хочешь сказать, что нет принуждения, потому что ты больше не наваливаешься на меня? Да я здесь исключительно по принуждению.

– Не притворяйся. Я лишь дал тебе шанс получить желаемое и предоставил возможность сохранить твоё достоинство. Разнести в пух и прах твои возражения проще простого. Я провожу тебя до двери, открою её для тебя, и ты тут же сможешь уйти.

– А потом ты позвонишь моим друзьям.

– Меня могут подтолкнуть к этому определенные поступки с твоей стороны. Но если ты уйдешь, я не стану ничего предпринимать. – Он встал. – Пойдем?

Изабелла тоже поднялась, с удивлением обнаружив, что он действительно зашагал к двери.

– Ах так? Ты приложил столько усилий, чтобы затащить меня сюда, устроил мне допрос, а потом перешел к своей, похоже, главной цели, а когда я отказалась сказать это, ты указываешь мне на дверь?

– Остается только указывать. Она не откроется, пока я не прикажу.

От его насмешки и пренебрежения ярость вскипела у Изабеллы в груди. Догнав стремительно шагавшего Ричарда у бассейна, она схватила его за руку. Но пальцы соскользнули

с каменно твердых мускулов. Ричард сам соизволил остановиться, нагло глядя с таким видом, будто не понимает претензий какой-то истерички.

– Почему ты хочешь, чтобы я это сказала? – возмутилась она. – Это твое извращенное самолюбие дает о себе знать? Ты хочешь, чтобы я признала, как сильно хочу тебя, тогда как сам никогда меня не хотел?

Он изумленно вскинул бровь:

– Я не хотел? И как же ты пришла к этому выводу?

– Так же, как и ко всем остальным. Ты притворялся, что страстно желаешь меня, только чтобы превратить в жаждущую тебя рабыню. Тебе нужна была лишь информация, которой я владела.

Он склонил голову набок, словно изучая доселе неведомое ему существо.

– Ты считаешь, что я провел четыре месяца в постели с тобой и не желал тебя?

– Ты – мужчина, причем в полном расцвете сил. Держу пари, ты мог бы... развлекаться с любой вполне привлекательной женщиной, особенно если она сексуальна.

– Какой была ты. Я и представить себе не мог, что женщина может быть такой пылкой и готовой принять меня.

Не успела она в ярости наброситься на него, как он вздохнул:

– И правда, я соблазнил бы тебя, даже если бы ты была источающим слизь уродливым чудовищем. Выполняя задания,

я не мог работать исключительно с теми, кто мне нравится. Но, даже учитывая мое неразборчивое, по твоему мнению, либидо, я свел бы до минимума число физических контактов. Я не зашел бы настолько далеко, встречаясь с тобой почти каждый день, не стал бы заниматься сексом. Даже при моем «расцвете сил» я не мог бы «развлекаться» так часто или так... бурно, если бы не ощущал даже большие пыл и страсть к тебе, чем ты – ко мне.

Сердце затрепетало, стоило ей перехватить его взгляд. Похоже, Ричард говорил правду.

Неужели он на самом деле хотел ее?

Но...

– Если ты хотел меня так сильно, как уверяешь, и все равно использовал меня и бросил, это делает тебя еще более бесчувственным ублюдком.

Его взгляд снова стал непроницаемым.

– Я не бросал тебя. Это ты выбрала Бертон.

– Так ты это называешь? У меня не было выбора.

– Выбор есть всегда.

– Избавь меня от этих дурацких слоганов!

– Выбор может и не быть легким, но он остается всегда.

У каждого варианта действий есть свои плюсы и минусы. Выбирая один вариант, ты соглашаешься нести его последствия. Ты не можешь винить в этом других.

– Я категорически не согласна. Конечно, я виню других, а именно Бертон и тебя, в том, что вы лишили меня возмож-

ности выбора. То, что от него нужно бежать, было очевидно.

– И ты действительно сбежала от него.

– Не сбежала, а унеслась сломя голову.

– Ты могла сбежать и со мной.

– А могла ли? И что бы со мной стало, если бы тебе не удалось уничтожить его, а я бы тебе надоела? Не сомневаюсь, рано или поздно это произошло бы, и ты бросил бы меня как раз тогда, когда Бертон стал бы моим заклятым врагом!

Его взгляд источал высокомерие.

– Не было ни малейшего шанса, что я не уничтожу его. – Ричард сощурился... с укором? – И я обещал тебе защиту.

– И ты смеешь ставить мне в вину, что я оказалась в смертельной опасности, когда ты осуществил свой план? При том, что я не знала, можно ли верить твоим обещаниям, при том, что ты ничего не рассказывал мне о своих реальных возможностях, не говоря уже о цели?

– И ты смеешь спрашивать, почему я ничего не рассказывал? Тебе, его сообщнице?

Горькая усмешка слетела с ее губ.

– Тебе понадобилось меньше часа, чтобы повисить меня с пассивной соучастницы до сообщницы? Интересно, кем я стану к концу разговора.

– Как бы ты сама это ни называла, моя страсть к тебе не ослепила меня настолько, чтобы не понять: если бы я доверился тебе, ты тут же побежала бы к мужу. Это помогло бы занять более прочное положение в его глазах, добавив при-

знательность к его патологической одержимости тобой. И я был прав.

Изабелла потрясенно смотрела на Ричарда.

– Да? Как так?

– Когда пришлось делать выбор, ты, не зная моих «реальных возможностей», выбрала мужчину, которого считала влиятельнее. Понятно, на что бы ты пошла, если бы сочла меня угрозой своему миллиардному источнику доходов. – Он подернул плечами. – Не то чтобы я виню тебя... Ты думала, что сделала верный выбор, основываясь на имеющейся информации. Но то, что из-за неверных данных ты совершила роковую ошибку, не делает тебя жертвой.

Кровь вскипела в жилах у Изабеллы. Но что она могла? Возражать? Ричард сам сказал, что у нее не было доказательств.

А даже если бы и были, кому бы она их представила? Ему? Главной причине всех ее страданий?

Ее плечи резко упали.

– У тебя ведь все получилось, не так ли?

– Да, причем в лучшем виде.

Она обреченно выдохнула:

– Выходит, ты все спланировал, получил результат, к которому стремился. А судьба подкинула тебе бонус в лице завалящей барышни, чтобы поразвлечься в постели. Это сделало твою задачу по вытягиванию из меня информации более-менее сносной.

– Более или менее. – Его взгляд вспыхнул, будто стремясь испепелить ее дотла. – С одной поправкой. Это не было «сносным». Это было феноменальным.

– Что-о-о?

– Вдобавок к множеству других прилагательных в превосходной степени. С тобой я получил единственное в жизни настоящее, абсолютное наслаждение.

Его слова ударили со всей силы, эхом отозвавшись в сознании Изабеллы.

Все это время ее душу калечила одна мысль, заставляя чувствовать себя униженной. Мысль о том, что она хотела Ричарда каждой клеточкой своего существа, а он лишь использовал ее. Когда чуть раньше он признался, что хотел ее, унижение лишь слегка утратило свой градус. Но теперь его уверения, что это было для него таким бесподобным... Кажалось, он говорил искренне. Если так, тогда хотя бы их интимные отношения были настоящими среди всей этой лжи и манипуляций. И Изабелла могла хотя бы очистить от грязи те воспоминания и вернуть их себе.

– Именно поэтому я и хочу, чтобы ты сказала это, Изабелла. Я хочу, чтобы ты признала, что жаждала снова испытать то, что было между нами. Что всякий раз, закрывая глаза, ты ощущала меня – в сознании, на языке, с тобой и внутри тебя.

Каждое произносимое им слово, пронизанное желанием, кипящее настойчивостью, захлестывало ее женское естество волнами влажного тепла. Ее тело уже готовилось к восхи-

тительным ласкам своего господина, и все-таки нужно было сопротивляться.

– А что, если я не скажу это?

Невероятные глаза сощурились, а губы, дарившие ей неземные ласки, скривились.

– Ты хочешь, чтобы я заставил тебя сделать то, чего ты сама так жаждешь, чтобы ты сохранила высокие моральные устои? Нет, моя коварная соблазнительница. Если я и возьму тебя сейчас, то только потому, что ты ясно скажешь, что хочешь меня. Только так... или можешь уходить.

Он был прав. Сдаваясь, Изабелла потянулась вперед, намотала на руку его галстук и со всей силы дернула.

Рывок дрожащими от возбуждения руками вышел слабым, но этого было достаточно, чтобы Ричард смягчился. Он позволил ей потянуть себя вниз, и вскоре его лицо оказалось совсем близко к ее лицу.

Его наполненное мужественностью, доводящее до безумия дыхание обдало ее губы.

– Ну а теперь скажи это.

И она произнесла дрожащим голосом:

– Я хочу тебя.

– Скажи все это, Изабелла.

Осознавая, что она пожалеет об этом, как только тело перестанет требовать наслаждения, – если это вообще когда-либо случится, – Изабелла капитулировала.

– Все эти восемь лет я хотела тебя с каждым своим вздо-

ХОМ.

Опалив ее пылкой радостью, Ричард накрыл рукой ее дрожащую ладонь на своем галстуке, плавно избавившись от него. А потом, подобно змею, ускользнул от Изабеллы. Сердце яростно заколотилось, когда Ричард уселся на огромный диван перед бассейном.

С комфортом развалившись на диване, он поманил ее:

– Покажи мне.

Будто заглотив крючок, она двинулась к нему.

С размаху налетев коленями на колени Ричарда, Изабелла потеряла равновесие и рухнула на него, не в силах справиться с вожделением. Упершись дрожащими руками в его крепкие мускулистые плечи, она немного замедлила падение, и ее платье вздернулось на бедрах, раскрывшихся, чтобы оседлать его. Ричард испепелил ее взглядом, кипевшим от наслаждения, и она с неистовой силой прильнула к его губам.

Приоткрыв рот под напором Изабеллы, Ричард позволил ей показать, как сильно она его желала. Ее руки уже блуждали по его внушительному телу, судорожно ныряли в слишком коротко подстриженные, на ее взгляд, густые волосы, и ее распаленное лоно сквозь одежду терлось об устрашающую твердость его воплощенной мужественности.

– Я хочу тебя, Ричард... Я схожу с ума от страсти к тебе.

Услышав ее судорожный стон, он перехватил инициативу, пылко прильнув к ее губам, робко пытавшимся завладеть его губами. Его ладони скользили по ее рукам, плавно снимая

одежду с ее пылающего тела с былой виртуозностью. Каждое его движение было наполнено точной безжалостностью изголодавшегося хищника, терзающего добычу.

Прервав поцелуй, Ричард отпрянул, и его зрачки вспыхнули, стоило ему скользнуть ладонями по ее грудям. А потом он схватил Изабеллу, перевернул и усадил на диван, опустившись перед ней на колени. Сорвав с нее трусики, он подался вперед, прильнув губами к источавшему влагу лону. Изабелла пронзительно вскрикнула ощутив его язык, по которому так долго тосковала. Ее бедра раздвинулись шире, давая Ричарду возможность крепче прижаться к самой сокровенной ее плоти.

Ричард ущипнул бутон клитора, и Изабеллу захлестнула волна невероятного блаженства. Еще одно прикосновение, еще одна ласка, еще одно движение его языка наверняка прикончили бы ее. И она не хотела останавливаться.

Она хотела его.

– Ричард... ты... – задохнулась она. – Ты нужен мне... внутри меня... пожалуйста...

Зарычав, он приподнялся и поймал ее мольбу беспощадным ртом, а потом встал, сжимая ее в объятиях. Мир стремительно завертелся, чтобы резко остановиться, когда разгоряченная спина Изабеллы коснулась холодного стекла.

Мысль о том, что Ричард собирается взять ее у окна с видом на город, чуть не заставила ее забиться в экстазе в ту же секунду.

Распластав Изабеллу по стеклу своим мощным телом, он заставил ее обхватить ногами его ягодицы, возбуждая ее непринужденной силой. А потом откинулся назад, демонстрируя полную эрекцию.

От ощущения твердой мощи, так часто владевшей ею в прошлом, рот Изабеллы увлажнился, а из лона заструились чувственные соки. И это при том, что его потрясающей силы и длины ствол еще не пронзил ее вождеющую плоть, Ричард лишь скользил в распаленных складках ее лона.

Он не проникал внутрь, пока из ее груди не исторгся громкий стон:

– Заполни меня!

И лишь тогда он вошел в нее.

Дикость и грубость его вторжения, ощущение невероятного растяжения плоти вокруг его слишком крупного мужского естества потрясли Изабеллу настолько, что мир ярко вспыхнул и тут же погас, провалившись во тьму.

Ее чувства всколыхнулись в ответ на его рычание: «Как давно... как же, черт возьми, давно...», его зубы впились в ее плечо, будто лев удерживал самку перед дразнящей игрой. А потом он вдруг отпрянул.

Казалось, будто с ним Изабеллу покинули жизненные силы. Ее руки крепче обвили его спину, пальцы сжали его мускулы, моля о возвращении. Он исполнил ее просьбу, войдя резче и глубже, погружая ее в небытие этой невероятной наполненностью. Когда после несколько движений ее плоть

полностью уступила ему, он ускорил темп.

Каждое отступление сопровождалось сводящим с ума ощущением потери, каждое погружение дарило томительный экстаз. Их стоны слились в один монотонный звук, ароматы секса и безрассудства усилились, скольжение и пыл твердой плоти распяляли Изабеллу, пока она не почувствовала, что вот-вот воспламенится.

Она так желала этого...

Ричард всегда знал, чего она хотела, когда нужно было действовать резче и быстрее. И теперь он дал все это ей, яростно колотя бедрами между ее разведенных ног.

Тело Изабеллы взорвалось, когда он погрузился особенно глубоко, и потоки экстаза захлестнули ее, сжимая плоть вокруг него, сдавливая ее вопли.

Выдохнув ее имя, Ричард взорвался в оргазме, выплескивая в нее струю наслаждения, переполняя ее, обостряя агонию чувственной разрядки до тех пор, пока не высек из Изабеллы все до последней искорки страсти, на которую только было способно ее тело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.